

Содержание

Глава 1	Человеческий комплекс превосходства	9
Глава 2	Искусство разучиваться	25
Глава 3	Тяга к противопоставлениям	57
Глава 4	Ослепляющая гордыня	93
Глава 5	Кривая мера всех вещей	128
Глава 6	Мыслить иначе	167
Глава 7	О роли отношений	200
Глава 8	Запутанные взаимосвязи	227
Глава 9	Наше коренное наследие	261
Глава 10	С небес на землю	291
	<i>Благодарности</i>	307
	<i>Примечания</i>	311

Мэри Джейн Уэбб. "Гордыня". 2020

*Посвящается Франсу де Ваалю,
моему дорогому наставнику
и смиреннейшей из обезьян*

Глава 1

Человеческий комплекс превосходства

“**Ч**то за мастерское создание — человек! — дивится Гамлет. — Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего!”^{*1}

Здесь, в нескольких коротких строчках, Шекспир выражает самую характерную тему в истории западной мысли: человек — наиболее умный, нравственный и способный вид на Земле.

Но интересно: если мы действительно уверены, что человек настолько лучше прочих видов, зачем мы тысячелетиями тщимся это доказать?

Из психологии известно, что люди переоценивают собственные способности и достижения, скрывая реальное ощущение недостатков и поражений². Когда речь заходит о других видах, нет ли у нас так называемого комплекса превосходства?

В конце концов, мы не самые большие, не самые быстрые, не самые сильные. Синие киты, гепарды и жуки-носороги в этом нас переплюнули. Мы не самые многочисленные или долгоживущие. В этом нас запросто обставили мура-

* Пер. М. Л. Лозинского.

вы и морские губки (не говоря уже о большинстве бактерий и растений). Другие виды побеждают человека в бесчисленных соревнованиях. Попробуйте посостязаться с орлом в остроте зрения или с дельфинами в эхолокации. Поэтому мы обратились к своему интеллекту. Решено! Должно быть, в этом мы самые лучшие.

Карл Линней, основатель современной системы классификации организмов, назвал нас *Homo sapiens*, что означает “человек разумный”. Ныне мы именуем себя *Homo sapiens sapiens* — “человек разумный-превразумный”. Привычка видеть себя в категориях превосходной степени никак не увязывается с дарвиновским представлением о континууме между видами.

И все-таки даже в наши дни полно примеров веры человека в собственную исключительность. В таком духе нередко высказываются уважаемые медиа и ученые. Достаточно отметить, насколько часто человек выделяется как особая, высшая сущность по отношению к окружающей среде, прямо или косвенно. “Хотя мы животные... мы не *просто* животные, — пишет философ Роджер Скрутон в редакторской колонке *New York Times* 2017 года. — Как личности мы обитаем в мире, несводимом к миру природы”³. В статье 2018 года в *Guardian*, озаглавленной “Лига людей: что отличает нас от других животных?”, генетик Адам Резерфорд заявляет: “Мы не можем провести удовлетворительных параллелей между нашим поведением и поведением других зверей, а утверждения, будто это возможно, зачастую представляют собой плохую науку”⁴. Специалист по сравнительной психологии Томас Саддендорф уверяет в статье для CNN: “Очевидно, что в нас есть нечто особенное”⁵.

Поиск уникального характерного признака человека также нагружен верой в человеческую исключительность. В интервью NPR 2016 года, озаглавленном “Почему человек стал самым успешным видом на Земле?”, философ и автор бестселлеров Юваль Харари утверждает, что этот при-

знак — наше воображение, благодаря которому “мы можем объединяться миллиардами, тогда как шимпанзе не могут, и поэтому мы побывали на Луне, расщепили атом и расшифровали ДНК, тогда как они всего лишь балуются с палками и бананами”⁶. Одна статья в *Los Angeles Times* ссылается на наше уникальное великодушие: “Быть может, причина, по которой это называется «человечностью», в том, что она уникальна для человека”⁷. Популярная печать изобилует заголовками, претендующими на открытие этого таинственного святого Грааля — того, что делает нас *людьми*. В качестве кандидатур предлагаются несравненный интеллект нашего вида, его приспособляемость, дружелюбие, речь, творчество и тому подобное.

Культ человеческой исключительности не ограничивается популярной печатью. Существуют целые конференции по вопросу о том, что делает людей особенными. На съезде Ассоциации психологической науки 2019 года приматолог Майкл Томаселло начал свою вступительную речь с извинения перед человекообразными обезьянами, прежде чем заявить о когнитивном превосходстве человека⁸. Целое направление исследований посвящено этой широкой мыслительной пропасти между человеком и другими животными, которую биологический антрополог Марк Хаузер окрестил “гуманикальностью”⁹. Сюжет этой нескончаемой истории в том, что, хотя другие приматы обладают рудиментарными кирпичиками когнитивных способностей человека, им не хватает уникальных адаптаций человеческой психики, которая позволила преуспеть нашему виду. Эти черты обеспечили людям господство на планете — господство, которое часто приравнивается к нашему “эволюционному успеху”. Чего еще ожидать от вида, столь часто похваляющегося своим интеллектом? Похоже, как в прошлом, так и в наши дни мы считали и считаем себя особенными просто потому, что нам нравится так думать. Гамлет прав в одном: мы создания.

Главная мысль книги “Высокомерная обезьяна” состоит в том, что вера в человеческую исключительность (она же антропоцентризм или принцип человеческого превосходства) лежит в основе нынешнего экологического кризиса. Эта вездесущая установка дает людям чувство господства над природой, позволяющее отделить себя от планеты и других видов, чтобы обратить их в товар и поставить на службу исключительно себе. И теперь нам это аукнулось: в виде лесных пожаров, подъема уровня моря, массовых вымираний и пандемий, подобных коронавирусной.

Это прискорбное и опасное мировоззрение — продукт промывки мозгов такого масштаба, что многие люди совершенно не осознают его. С молодых ногтей миф о человеческой исключительности усваивается и разнообразными способами подкрепляется обществом: в школах и учебниках, проповедях, политических кампаниях, рекламе, кино, празднествах, языке и многом другом. Но, что, пожалуй, еще досаднее, представление о человеческой исключительности просочилось даже в нашу науку.

Поскольку я всю жизнь изучаю психику наших ближайших родственников-приматов, мне это известно из первых рук.

Как-то утром на краю пустыни Намиб павиан по кличке Медведь прочел мои мысли. Накануне он с десятком других павианов набросился на мою коллегу, издавая громкий пронзительный визг и лупя ее по ногам. Мы не знали, что стало тому причиной, но зачинщиком был явно Медведь. На следующее утро я держалась подальше от стаи, опасаясь, что нечто подобное повторится. Тут на скале появился Медведь со своей свитой. На этот раз они направились прямо ко мне. Я ковляла вниз по крутому каменистому склону и не могла убраться с их дороги. Сердце у меня отчаянно заколотилось, а ладони вспотели, хотя внешне я оставалась спокойной. Затем произошло то, чего я никогда не забуду, потому что это навсегда изменило мои взгляды на других животных и их способности. Несмотря на мое деланое без-

различие, Медведь подошел и положил ладонь мне на ногу. Он поднял на меня глаза и оскалил зубы в неловкой, натянутой гримасе. Как приматологу мне известно, что это жест примирения: павианы делают так для предотвращения и разрешения конфликтов между собой. Он извинялся за вчерашнее. Этот павиан знал то, что знала я, и пытался разрулить ситуацию.

Что особенного было в той встрече? Размышляя об этом позже в тот же день, когда я безопасно устроилась в палатке, я вспоминала, как часто в аспирантуре мне говорили, что другие приматы неспособны читать мысли: у них нет того, что в науке называется “моделью психического состояния”. Это одна из множества когнитивных способностей, якобы отличающих человека от других животных. Считается, что павианы не ведают, о чем известно другим павианам, а тем более — о чем думает представитель другого вида. Но Медведь? Он прочел мои мысли. Мне пришлось разучиваться многим вещам, которые в моем студенчестве утверждались как факт.

Веками западная философия и религия поддерживали убеждение, что человеческий вид занимает центральное, главенствующее место во вселенной. Чарльз Дарвин перевернул это мировоззрение благодаря своей теории эволюции путем естественного отбора, показав, что виды образуют скорее взаимосвязанное древо жизни, чем иерархию. Сам Дарвин, вероятно, удивился бы, узнав, насколько и поныне миф о человеческой исключительности влияет на коллективное воображение. Но он понимал, что его идеи угрожают обществу, склонному поддерживать этот миф. Как он писал в одной из своих записных книжек лет за двадцать до публикации “Происхождения видов”: “Человек в своей заносчивости считает себя великим творением, достойным божественного вмешательства. Скромнее и, по моему убеждению, вернее будет считать его произошедшим от животных”¹⁰.

Ныне наши представления о месте человека в мире природы все чаще формирует наука. Но когда мы позволяем идео-

логии человеческого превосходства проникнуть в науку, это приводит к искажениям, которые скорее способствуют убеждению в человеческой исключительности, чем более скромному, достоверному представлению о человеческих способностях. Это одна из основных причин, по которым миф о человеческой исключительности господствует в современном мышлении. Вот почему — вопреки дарвиновской теории о психическом континууме между человеком и другими видами — современные ученые полагают, что нашу психику от психики животных отделяет глубокая пропасть.

Идея книги “Высокомерная обезьяна” зародилась в 2019 году, когда я устроилась работать на кафедру эволюционной биологии человека в Гарварде. Как люди в ходе эволюции стали тем, кто они есть, — вопрос, интересующий меня с давних пор. Это одна из причин, по которым я стала приматологом, помимо того что я всю жизнь питаю любопытство к другим животным. Эволюционная точка зрения подчеркивает преемственность — не столько *качественные*, сколько *количественные* различия между видами. И тем не менее идея наличия исключительных черт, которые присущи всем представителям нашего вида и только его (или, если уж на то пошло, любого вида), сохраняет невероятную стойкость. Исторически попытки определить некую неизменную, уникальную и универсальную “человеческую природу” либо включают в определение представителей других видов, либо исключают самых разнообразных людей (зачастую тех, кто и так подвергается дискриминации и маргинализации со стороны нашего общества).

Но если уж следовать нарративу человеческой уникальности, то же самое можно сказать и о других формах жизни. Все виды в ходе эволюции приобрели специализированные адаптации к своей среде. Если человек уникален, то уникален каждый вид. Однако человеческая исключительность — не то же самое, что человеческая уникальность. Идея человеческой исключительности подразумевает, что характерные

признаки человека более ценны и прогрессивны, чем отличительные черты других форм жизни.

Можно подумать, что идея человеческой исключительности отмерла благодаря всеобщему признанию эволюции в науке. Однако этот взгляд настолько глубоко укоренен в нашей культуре, что чуть ли не каждый (включая ученых) — зачастую бессознательно — разделяет его базовые послышки.

В следующих главах будут фигурировать идеи, порой противоречащие многим из наших обыденных представлений о мире — убеждениям, с которыми мы настолько сроднились, что можем даже не осознавать их наличия. Миф о человеческой исключительности так часто тиражируется и не оспаривается, что мы уже едва ли осознаем его как миф, а, напротив, усваиваем как “факт”. Но разучиться этому мировоззрению — задача столь же благодарная, сколь и трудная. Мы (и многие другие виды) сумеем многое приобрести, если начнем более сознательно относиться к собственным убеждениям. Эта книга расскажет, как можно выучиться тому, чтобы распознавать вездесущность веры в исключительность человека, как это распознавание способно изменить наше мировоззрение и как оно меняет научные взгляды и практики многих людей, включая меня.

От сухих пустынь Намибии, где благоденствует удивительная стая павианов, до лесного заповедника в Замбии, где спасают и реабилитируют шимпанзе, — большая часть моей сознательной жизни была посвящена исследованиям богатой социальной, эмоциональной и когнитивной жизни обезьян. Они многому меня научили. Но в первую очередь они научили меня тому, что границы, которые, как мы считаем, отделяют человека от других видов, искусственны, ведь сами способы их проведения порочны в своей основе.

Например, большинство заявлений о когнитивной уникальности человека основываются на экспериментах, где

сравниваются способности содержащихся в неволе шимпанзе со способностями абсолютно свободных представителей западной цивилизации. Господствующий вывод из этих исследований: что люди безусловно опережают обезьян в различных когнитивных областях, таких как модель психического состояния, сотрудничество, альтруизм, метапознание, совместное внимание и просоциальность. Но слишком часто против другого вида играют краплеными картами: разработка гипотез, дизайн экспериментов и оценка данных отличаются предвзятостью в пользу человека.

Мы постулируем, что эти шимпанзе в клетках и свободные человеческие популяции репрезентативны для соответствующих видов, но на самом деле все не так. Эти шимпанзе, как правило, прожили всю жизнь в изоляции, в маленькой группе, в искусственных условиях. Я тоже изучала обезьян в подобной обстановке: в лабораториях, зоопарках и приютах. Шимпанзе в неволе совершенно не похожи на своих диких собратьев. Группы людей, о которых идет речь, тоже нерепрезентативны для человечества в целом: новейшие исследования показывают нам, что они входят в число самых психологически нетипичных в мире — так называемую категорию WEIRD (*Western, Educated, Industrialized, Rich, and Democratic* — западные, образованные, индустриализованные, богатые и демократические)¹¹. Таким образом, подобное сопоставление очень мало говорит о различиях в когнитивных способностях между двумя видами.

Более того, эти исследования опираются на антропоцентричный дизайн экспериментов. Они связаны с заданиями, с которыми другой вид никогда не встречается в естественной среде, например, используются сенсорные экраны или пластиковые игрушки. Подобные исследования могут рассказать лишь о том, как другой вид справляется с заданиями, в которых преуспевает человек. Они очень мало говорят нам о собственных когнитивных адаптациях другого вида, возникших в ходе эволюции. Это все равно что снабдить пред-

ставителей западной цивилизации палками, камнями и орехами разнообразных размеров и измерять их интеллект по тому, насколько успешно они в сравнении с шимпанзе справляются с выживанием термитов или разбиванием орехов — с заданиями, которые включают в себя предвидение, ловкость рук, концентрацию внимания и причинно-следственное мышление. Неужели мы заключим, что люди стоят ниже шимпанзе по вышеназванным когнитивным способностям, на основании того, как они справляются с этими задачами? Сатирическое издание *Onion* неплохо выразило эту предвзятость антропоцентризма в статье, озаглавленной «Наука доказала: дельфины не так умны на суше»¹². Если подходить к миру с человеческими мерками, другие виды неизбежно до них не дотянут.

Не столь антропоцентричная парадигма подведет нас существенно ближе к пониманию когнитивных адаптаций других видов, возникших в ходе эволюции, иначе мы просто сопоставляем их с человеческим стандартом, в результате чего они неизбежно оказываются неполноценными. Ученые-первопроходцы прошлого и настоящего освобождались от оков и ограничений мышления, основанного на представлении о человеческом превосходстве. Влияние их работ прослеживается в моих собственных исследованиях. Что происходит, когда ученые — от знаменитых имен вроде Чарльза Дарвина до менее известных визионеров типа Линн Маргулис, от ботаников типа Робин Уолл Киммерер до приматологов вроде Франса де Ваала — подходят к предмету своего исследования со смирением, почтением и непредвзятостью? Их открытия показывают недооцененную сложность жизни животных: от языка певчих птиц и луговых собачек до культур шимпанзе и коралловых рыбок и вплоть до проницательности растений и грибов. Иной взгляд на организмы — взгляд, который возможен, если преодолеть представления о человеческой исключительности и мыслить виды в их собственных категориях, — переворачивает наше восприятие их и самих себя.

Исследование становится мощной метафорой способов познания и жизни в мире — способов, которые издавна развивали и поддерживали незападные культуры. В этой книге доказывается, что подобный менее антропоцентричный подход одновременно возможен и необходим. Это ключ к более эффективным научным исследованиям и к более насыщенному, экологичному стилю жизни.

Критики идеи человеческой исключительности обычно сосредотачиваются на наших нравственных обязательствах по отношению к другим существам. Они упускают из виду, что человечество тоже может кое-что *выиграть*, развенчав свои иллюзии уникальности и превосходства. И не только потому, что эти иллюзии обусловили экологический кризис. Но и потому, что они мешают нам взаимодействовать с окружающим миром, переживая чувство благоговения, удивления и смирения. Если мы не будем смотреть на все через призму антропоцентризма, мы почувствуем себя неотъемлемой частью природы, которой являемся.

Я веду курс под названием “Высокомерная обезьяна”. И наблюдаю, как преобразуются мои студенты, научившись прозревать сквозь установки мировоззрения, заданные верой в человеческую исключительность. По мере того как с их глаз спадает пелена, они начинают воспринимать природу как более живую, одушевленную и сознательную. Прогулка по кампусу или по лесу переживается уже не так, как раньше: это возможность взаимодействия со множеством других форм жизни, возможность ощутить себя чем-то большим, чем собственное “я”. Для одних из нас отказ от веры в человеческую исключительность подкрепляет то, что мы издавна считали самоочевидным: что мир полон разнообразными видами интеллекта и сознания. А для других этот опыт больше похож на новое пробуждение: словно вспоминаешь детское любопытство к миру живого и вновь ощущаешь с ним связь. Опыт

моих студентов и мой собственный побудил меня собрать эти идеи в книгу, которую вы сейчас читаете.

Эти обновленные отношения идут нам на пользу. Они омолаживают нас. Они удовлетворяют одно из самых древних и глубинных наших желаний — *принадлежать* к большому целому, в котором мы обитаем. И в свою очередь, это дает нам власть совершить реальные перемены. У моих студентов отказ от антропоцентризма пробуждает экологическую сознательность, которую многие перенаправляют на экологический активизм или защиту прав животных. Когда вы воспринимаете мир как объект, его разрушение вам безразлично. Но когда вы понимаете, что мир — одушевленная сущность, частью которой вы являетесь, активизм уже не вопрос выбора, он становится образом жизни. Все благодаря одной простой, но часто упускаемой из виду истине: то, как люди поступают с природой, обусловлено тем, как они видят себя относительно природы. Как только мифы о человеческом превосходстве и особенностях развиваются, мы больше не можем пассивно наблюдать за гибелью природы, отчасти потому, что видим свою потенциальную пользу — не только конечную, но также *здесь и сейчас*. Это освежающее отступление от господствующего экологического нарратива, который подчеркивает жертвенность, издержки и долгосрочные негативные последствия. Природа — не средство для достижения человеческих целей, но взаимосвязанная система, благополучием которой в конечном итоге определяется наше собственное благополучие.

Своевременную иллюстрацию дает нам коронавирусная пандемия. Природа, похоже, как никогда бросает вызов человеческому превосходству. И тем не менее средства массовой информации восхваляют человеческую изобретательность в разработке вакцин, игнорируя тот факт, что исходно вспышка вируса вызвана, по-видимому, человеческой эксплуатацией естественной среды обитания животных (и эта эксплуатация неизбежно приведет к новым зоонотическим вспышкам в будущем). Вместе с тем милитаризованные дис-

курсы “войны” или “борьбы” с вирусом поддерживают представление, будто природа — это сила, которую нужно контролировать и над которой нужно властвовать. Подобные антропоцентрические нарративы звучат также в современных дискуссиях о климатических изменениях и экологических “технорешениях” вроде солнечной геоинженерии или освоения Марса. Подобные установки упускают важнейший шанс деконструировать различные формы антропоцентризма в воображении общественности. Вместо этого они заверяют нас, что человечество в конце концов победит природу. Однако в нынешний хаос нас загнал именно этот нарратив человеческого прогресса и господства, и было бы разумно признать, что мы больше не можем полагаться на породившие эту проблему ценности, институты и научные методы, чтобы выпутаться из нее. Нам нужен куда более смиренный подход. Ведь часики тикают.

Я исхожу из презумпции вашего согласия с тем, что здоровье планеты в тяжелой ситуации. В этой книге я не пытаюсь никого убедить, что эта ситуация реальна. Достаточно ужасающей статистики — в той или иной форме она, наверное, преследует нас всех. На основании текущих тенденций подсчитано, что к 2050 году эрозии подвергнется более 90% почвы на Земле¹³. Исчезло 30% мирового лесного покрова, еще 20% приходит в упадок, а большая часть остальных лесов ныне фрагментирована, так что нетронутыми остаются только около 15%¹⁴. С 1950 года температура Земли выросла примерно на два градуса по Фаренгейту, а с 1982-го скорость потепления повысилась более чем втрое¹⁵. Закисление океанов происходит в сто раз быстрее, чем во время аналогичных естественных событий за последние пятьдесят пять миллионов лет¹⁶. Численность популяций диких животных за последние полвека упала на 70%¹⁷. Опылителям, от которых зависят человек и многие другие виды, грозит вымирание¹⁸. Пока я пишу, эти существа исчезают с нашей планеты и из нашей повседневной жизни.